
ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА АВТОРА-БИЛИНГВА

Е.Н. Кремер

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10 А, Москва, Россия, 117198

Русско-инонациональный билингвизм, отраженный в художественном тексте, изучается в аспекте соотношения языковой идентичности (русского языка как инструмента творчества) и этнической самоидентификации билингвального автора с точки зрения носителя русской культуры. На основе анализа способов отражения в русскоязычном тексте этнической идентичности автора-билингва определяются понятия языковой и этнической идентичности билингвального автора.

Ключевые слова: художественный текст авторов-билингвов, этническая идентичность, национальное самосознание, контактная литература, «маргинальная личность»

За последние два десятилетия в русской и зарубежной лингвистике заметно активизировался научный интерес к художественным текстам, созданными авторами-билингвами на языке метрополии, так называемой *русскоязычной литературе* и «контактной литературе». Известный ученый Н.Л. Лейдерман, размышляя о том, как создается в русскоязычной литературе особая национальная картина мира — «та самая иллюзия “нерусского” видения мира в одежде русского слова», подчеркивает, что «типы образных ассоциаций — это механизмы самых интимных, подсознательных психических реакций. Они несут в себе доведенную до рефлекса родовую память этноса: они порождены условиями жизни — природой, бытом, трудом, нравами и теми ценностными представлениями, которые сложились за многие века. Это самые мельчайшие архетипы национального сознания» [9. С. 38]. Американский ученый — автор термина «контактная литература» — американский лингвист индийского происхождения Брад Б. Качру рассматривает ее как один из результатов языковых контактов: «Языковые изменения в результате контакта языков не ограничиваются грамматикой, лексикой, стилем и дискурсом. Они выходят за пределы данных уровней системы языка и затрагивают литературное творчество представителей разных культур» [3. С. 94—95].

Исследователи русскоязычной литературы в России и в некоторых сопредельных с нею постсоветских государствах посвятили достаточно большое число работ и диссертационных исследований [8. С. 61—67].

Целью настоящей статьи является рассмотрение соотношения этнической идентичности и национального самосознания в русскоязычном тексте этнически нерусского автора.

По мнению М.М. Ауэзова, ответы на вопросы, связанные с изучением билингвальных личностей (билингвальных авторов) (1), можно получить при рассмотрении осознающей себя этнокультурной среды, непосредственно ее целенаправленных действий: «Конкретные условия определяют содержание этих действий,

и опыт прошлого имеет для них значение отдаленных аналогий, не более того. Вместе с тем исторические факты говорят о том, что в ходе взаимодействия различных культур формируется *особый тип личности*, с деятельностью которой существенно связано состояние языковой ситуации, ее негативная или позитивная перспектива. Речь идет о так называемой “*маргинальной личности*”, воспринимающей «культуру, к которой принадлежит этнически, как бы извне, со стороны и — крупномасштабно. В случае сознательной ориентации на участие в судьбах этой культуры она обладает ценнейшей предрасположенностью к целостному осмыслению ее состояния и перспективы в соотношении с другими культурами. Благодаря этому качеству маргинальные личности неоднократно исполняли в истории роль активных деятелей как в развитии одной, отдельно взятой культуры, так и в процессе ее взаимосвязей с другими культурами» (выделено нами. — Е. К.) [2. С. 108].

Развивая эту мысль, М. М. Ауэзов подчеркивает, что именно ситуация «маргинальности» обуславливает различие таких понятий, как «сознание этнической принадлежности» и «национальное самосознание». Подлинно творческая личность с глубокой мировоззренческой позицией в маргинальной ситуации восходит к национальному самосознанию, преодолевая в себе двойственную неопределенность маргинальности.

В контексте вышеизложенного возникает вопрос границ и возможностей языка. Действительно, при изучении закрепленного в конкретном языке способа описания мира выявляются не только общие, универсальные принципы организации невидимой действительности, но и закономерности, предпочитаемые тем или иным языком — как самим его строем, так и национально-культурным сознанием его носителей. Включение же в отражение действительности является необходимым, поскольку язык не только средство общения, но и хранилище информации, накопленной языковым коллективом, живущим в определенной геополитической, национальной, языковой и экологической среде, осваивающим ее при сменяющихся, но характерных именно для данного социума условиях. Тем самым язык фиксирует практически все, что принято считать национально-культурным достоянием народа — носителя языка.

Поскольку на языковую картину мира всегда оказывали влияние сферы деятельности человека, «в языке каждого народа отражается его мысленная сфера, промежуточная между действительностью и сознанием, образующая норму духовной жизни человека, так как каждое выражение связано с определенным содержанием, которое представляет собой не просто отражение мира, а особый мир, созданный мыслью. Каждый языковой коллектив создает в своем мире особое мировоззрение в соответствии со всеми склонностями, жизненными обстоятельствами и историей» [5. С. 42—43].

Исходя из этих положений, хотелось бы заметить, что билингвальные авторы описывают особый мир, созданный мыслью посредством «чужого» языка (русского). У монолингва же «каждое выражение связано с определенным содержанием», что, как нам представляется, нельзя отнести к билингу. К примеру, носитель русского языка заранее представляет, каким может быть описание снега у русского, но как опишет тот же объект якут, манси или азербайджанец, он не сможет сказать наверняка, потому что ассоциативный ряд у них будет иным.

При таком подходе можно констатировать, что у русскоязычного читателя текстов билингвальных авторов расширяются рамки мировидения, и таким образом обогащается его культурный багаж, осуществляется процесс межкультурной коммуникации.

Учитывая вышесказанное, можно определенно говорить о том, что осмысление и описание феномена текстов билингвальных авторов невозможно без обращения к антропоцентрическому подходу к изучению языковых явлений, который позволяет рассматривать творчество русскоязычных авторов с разных позиций. Языковая и этническая идентичность, языковая картина мира, особенности речевого поведения, лингвосоциальные стереотипы и др. нашли свое отражение в особом способе мышления, созданном синтезом нескольких, не обязательно связанных генетически языков, культур, объединенных, однако, социокультурным пространством, образом жизни и сохранившими традицию мыслить образами своего народа (этноса) писателями и поэтами.

Естественно, что судьба многих этнических групп внутри каждой республики бывшего Советского Союза была сложной: национальная культура находилась в двойном «подчинении», (как бы суб-субкультура), например, русскоязычный писатель — этнический уйгур И. Ибрагимов в Киргизии, кореец М. Пак и немка Е. Зейферт — в Казахстане и др. Часто сложно было выявить, в чем инакомыслие русскоязычных авторов (возможно, в этой их двойной подчиненности: суб-субкультуре).

Т. Толстая писала о «вольномыслии» некоторых из них: «Имперским языком советской словесности был русский. И в русской литературе советского периода закономерно возникли имперские писатели — не те, что выражали сам дух империи, а, напротив, те, кто работал на стыке сопротивления и подчинения: сопротивления идеологии, подчинения языку» [4. С. 124—125]. Размышляя над их неоднозначным положением в период «раздела на этнодома», Толстая оперирует такими именами, как Ф. Искандер, А. Ким, Ч. Айтматов. Тексты билингвальных авторов позволяют рассмотреть своеобразное восприятие национально-культурных ценностей, отражающих, с одной стороны, национальное образное мышление, с другой — трансформацию языкового сознания и языковую идентичность. В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на следующие моменты:

- языковая личность каждого билингва формировалась в условиях межкультурной коммуникации на территориях разных республик или субъектов Федерации при активном функционировании русского языка во всех сферах жизни, в том числе в отрыве от исторической родины, что должно было отразиться на языковой идентичности;

- индивидуальность творчества писателей достаточно ярко выражена в их произведениях, интересна представленной этнической идентификацией и языковой картиной мира, системой изобразительных средств;

- тексты их произведений отличает опора на широкий культурный контекст (мировой — универсальный, национально-специфический, индивидуальный);

- язык произведений отражает своеобразный лингвокреативный способ мышления и мироощущения в широком смысле, особенности менталитета, синкре-

тизировавшего в себе архетипы различных культур, проявляющиеся в образах и ассоциациях;

— язык текстов русскоязычных писателей как этнокультурный код нации отражает процесс аккультурации различных этнических групп и приобретает особый колорит в языковой картине мира, образных средствах;

— национальная культура, философия народа формируют особое видение мира, социума и жизни того или иного этноса / этнических групп через метафоры, фразеологизмы, поговорки, символы, сравнения.

К примеру, в текстах русскоязычных писателей — этнических корейцев — присутствует ярко выраженная языковая полифония (Лаврентий Сон «Вспомним лето и не раз...») [12]. Самое яркое выражение корейского бытового уклада, по мнению исследователей, можно заметить в текстах М. Пака «За порогом ночей», «Пристань ангелов». Например, в корейской традиции с нефритом связано все светлое, чистое, благородное. Функционально-семантические поля с номинациями *нефрита* практически не ограничены. Параллели *нефрит — снег, снег — белый, белый — чистота, белый — траур* нашли отражение в текстах М. Пака. Писатель отчетливо выделяет семантику желтого цвета, который у дальневосточных народов символизирует солнце, жизненную силу. Желтый цвет — священный (в древние времена желтую одежду имели право носить только императоры); светлое начало, символизирующее солнце [13].

Большое место в текстах данного автора занимают религиозный синкретизм как национальное этномифическое мироощущение, своеобразное национально-специфическое отношение к жизненно важным категориям добра и зла, жизни и смерти, красоте и гармонии, бытовому укладу и правилам поведения.

Благодаря русским текстам этнического корейца русскоязычные читатели расширяют свое мировидение в отношении корейской культуры. Не лишним будет заметить, что в отечественной лингводидактике так много говорится об особой картине мира англичан, американцев и др. и сравнительно мало об особой картине мира живущих рядом представителей иных этносов и этнических групп. Этнические корейцы, идентифицирующие себя лингвистически с русским языком, остаются частью общего корейского мира.

Язык произведений русскоязычных писателей — этнических корейцев — уникален тем, что отражает мышление, присущее культуре самостоятельной этнической группы за пределами исконного проживания корейского этноса.

Индивидуальный самобытный голос манси Ювана Шесталова, пишущего на родном и русском языках, с первых публикаций стал, по мнению исследователей, восприниматься «как голос манси, как олицетворенная живая речь Югры, как воплощенная в новом человеке новейшая экологическая традиционная культура» [10. С. 68].

По мнению Н. И. Грудиной, Ю. Шесталов «ввел в арсенал поэзии новую для русской поэзии систему мансийских образов» [7. С. 166]:

Как по лесу темному
Малая Медведица
Вперевалку по небу идет.

Снег крупчатый мелется,
Шаль твоя метелится,
Свадебные сани у ворот.

Эти сани-розвальни
За тобою посланы,
Эта ночь таится у дверей,

И дорожки звездные
Тебе в ноги посланы,
Полумесяц в гривах у коней.

Если сани заняты,
Если села в сани ты,
Значит, пронесемся мы с тобой

По морозной наледи,
По метельной замяти,
По дороге жизни молодой.

С новыми образами, с проблемой раздвоенности сталкивается исследователь при изучении русских текстов этнически разных авторов. Так, создающая свои произведения на русском языке карачаевка по национальности Танзиля Боташева, родившаяся в Киргизии (куда в период сталинских репрессий были депортированы ее родители), знакомит нас с драматической раздвоенностью. Здесь явно наблюдается несовпадение языковой и этнической идентичности, осложненное отношением к родине:

Сухой курай. Высокое плато.
Громада снежных пиков Ала-Тоо.
Усталая улыбка старика.
И цвета сна забытого река.
Автобус — муравей в седой пыли.
Лениво огрызнулись кобели.
Тягучий дым кизячного костра.
И тайна пряной терпкостью остра.
Полуприкрыты веки. Из-под них
Не брызнут искры. Гнев настоян. Тих.
Бездонны недра мягких лисьих шуб.
Опасен лишь изгиб наивных губ.
Прохладен летом молодой кумыс.
Горяч и дерзок дружеский айтыс.
Киргизия! *Неотчая страна!*
Ты не ждала! Ты не звала меня!
Я здесь полдетства полупрожила.
Полчеловеком! Полуненавидя!
Я вздрогнула, холмы твои увидя!
Святая полу-Родина моя!

(выделено нами. — Е.К.) [4. С. 78].

Тема двух родин звучит и в стихах этнической еврейки Елены Аксельрод. Сквозящие в них еврейские грусть и печаль, переплетаясь с характерной для русских тоской, помножены на тоску и печаль и по России, и по Земле Обетованной [1].

Окончится мой путь в какой чужбине:
Загадывать не стану наперед.
Смешается мой прах с песком пустыни
Иль, дай-то Бог, березой прорастет.

...

Лицом зарыться бы в листья рябины,
Пусть ноги мне укроет лебеда,
Чтобы другой не обрести чужбины,
Что родиной не станет никогда.

Не знать бы привилегии печальной
Расстаться с тем, с чем всей душой срослась, —
С чужбиной нареченной, изначальной,
Той, что с рожденья родиной звалась.

...

В Вострякове на кладбище тесном
По соседству с крестом могоендовид
Помирились ли в царстве небесном,
В опрокинутом душном гнездовье?

Все сравнились под глиной раскисшей
Или сводят по-прежнему счеты?
Под тяжелою общею крышей
Ни поблажки, ни щели, ни льготы.

Поклонюсь я торжественно плитам,
Где огонь оборудован вечный,
Кто там есть — под броней, под гранитом,
Под звездой пятиконечной?

Что же с ней, путеводной, светлее,
Чем с другою — шестилучевою?
Пирамиды и мавзолеи,
Крест и камень — над общей судьбою.

Известный балкарский писатель Борис Чипчиков, пишущий на двух языках, выходит на осознание универсальности мира, не отрываясь от национальных корней и родины предков и не забывая страну, ставшую для него второй родиной.

Родился в 1948 году в Киргизии в селе Красная речка, живу в Нальчике, около поселка Белая речка... Живу, и никак не могу привыкнуть к Родине моих предков. Меня сформировавшегося, без малого восьмилетнего, перенесли из Средней Азии на Кавказ. Если бы я переехал из Курской области в Смоленскую — сильной разницы я не ощутил бы. Но переезд из Азии на Кавказ — это перемещение на другую планету... И все-таки есть, есть что-то соединяющее обе мои Родины. Родился я на Родине Айтматова, а живу на земной Планете Кулиева. Жить нужно... [15. С. 87].

Цель творчества на русском языке бурят Намжил Нимбуев — ярко одаренный, но отчаянно рано ушедший из жизни (1948—1971) поэт — обозначил так:

«Я считаю для нерусского поэта, пишущего на русском языке, важнее не подражать традиции русской литературы, а творчески манипулировать великим, всемогущим языком, ибо только в свободном стихе можно выразить самое национальное лицо, душу своего народа» [11. С. 6].

Поэт писал свободным стихом (верлибр), лаконично и емко. Его стихи остаются в памяти и в сознании зримыми и осязаемыми, проникающими пронзительными метафорами.

Крохотным знаменем
над планетою бьется
отчизна моя —
Бурятия.

Ручьи моей родины,
горло промойте мое,
стрижи моей родины,
с клюва меня покормите,
леса моей родины,
в тайну меня посвятите.
Для вас в моем сердце
песня любви

Кто, кто окликнул меня на моем языке?

В голосисто-хрустальном безлюдье
Изумрудно-зеленые взрывы
Подмосковных берез.

Тень крыла на лице.

Умереть бы в седле
со стрелой под сердцем,
как истый бурят!»
...Ах, опять раз мечтался,
Немощный интеллигент.

Этническая калмычка Римма Ханинова, пишущая на русском языке, много внимания в своем творчестве уделяет созданию калмыцких художественных образов на русском языке. Ярким доказательством этому утверждению служит ее эссе «Взлететь над мира суетой».

Степь. Ее не сразу разгадаешь. Она не откроется с первого взгляда. Она дарует знания не случайным. Ее необъяснимая природа обаяния в ваших генах. Сопrotивляясь, недоумевая, вы с удивлением обнаруживаете со временем свою зависимость от терпкого запаха полыни, бескрайнего горизонта, обнажившего вас в степном пространстве:

в своей первозданности. И тогда скромные, пастельные пейзажи будут беречь душу, вызывая к давно забытым воспоминаниям. Ее простор, раздвигающий границы неба и земли, будит космическую память человека, ощущающего себя наедине с природой. Степь таит в себе секреты времени и пространства. Она величественна в вековом покое, даже потревоженном вторжением человека. (Апрель 1991). [14. С. 231].

В поэтическом тексте «Запах полыни» [14. С. 113], она особо подчеркивает образ родины, воплощенный в полыни, и роль родного языка для носителя калмыцкой культуры.

...
И когда в шатре своем тесемку
Развязал, не ведая, калмык, —
Сразу запах он узнал тот горький,
Что единствен, как родной язык.

...

В поэзии Р. Ханиновой особое место занимает тема чая как важного концепта в этническом сознании калмыков. Для того чтобы создать адекватный образ в сознании русскоязычных читателей (не калмыков), в свое стихотворении «Джомба» она добавляет авторские ремарки (сноски), объясняющие заимствованные слова из калмыцкого языка: *Джомб — лучший калмыцкий чай; Аршан — божественный нектар*; а также переводит народные пословицы калмыков и выносит их в сноски: *Хотя чай и жидкий, он — первое угощение; Пить нечего, а любит джомбу; Пока выпьет чашку чая — десять раз изменится; Без воли силы нет, без соли вкуса нет.*

Сознание Р. Ханиновой четко различает разницу в восприятии носителей разных культур. Так, в другом поэтическом тексте она замечает:

На вкус и цвет друзей, известно, нет.
Заметки Пушкина тому вновь подтвержденье:
Не высказал приязни *наш* поэт —
Калмыцкий чай не вызвал вдохновенья.
С бараньим жиром, с солью, с молоком

...

Тем не менее выделенное нами слово *наш* свидетельствует о лингвистической идентификации билингвального автора, способного оценить не только общность кода (языка) с носителями русского языка, но и универсальность таких личностей, как великие поэты и писатели, независимо от их этнической идентификации.

Приведенные выше примеры и многие другие (которые невозможно вместить в одну статью) из поэтического и прозаического опытов разнонациональных авторов на русском языке служат красноречивым доказательством существования границы между этнической идентичностью и национальным самосознанием. За представленными текстами стоит образ автора — творческая личность с мировоззренческой позицией, восходящая к уровню национального самосознания, которая находится в языковом «инобытии» — в лингвистическом пространстве русской культуры как средстве достижения своих мировоззренческих целей.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Мы придерживаемся различения понятий «билингвизм автора» и «авторский билингвизм» в соответствии с точкой зрения известных российских ученых Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцевой, специализирующихся, в частности, на проблематике художественного (литературного) билингвизма. «Прежде всего, представляется целесообразным различать понятия “билингвизм автора” и “авторский билингвизм”. В первом случае речь идет о соответствующей характеристике определенной творческой личности (владение и использование в коммуникативных целях более одного языка), во втором — о применении указанной характеристики в творческом процессе». См. [6. С. 5]. В нашей статье имеется в виду «билингвизм автора».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аксельрод Е.М.* Избранное. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2002. 358 с.
- [2] *Ауэзов М.М.* Иппокрена. Хождение к колодцу времен. Алматы: Жибек жолы, 1997. 170 с.
- [3] *Бахтикиреева У.М.* Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. №1 (45). С. 94—99.
- [4] *Бахтикиреева У.М.* Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: дисс. ... д-ра филол. наук. М.: 2005. 387 с.
- [4] *Боташева Т.М.* Стихи // Мегалог. 2008. № 1. С. 78.
- [5] *Вайсгербер Й.Л.* Язык и философия // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 73.
- [6] *Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т.* Парадокс билингвизма (К вопросу об авторском двуязычии) // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2014. № 3. С. 3—10.
- [7] *Грудинина Н.И.* Огонь на льду // Просвещение на крайнем Севере. Вып. 15. Л., 1967. С. 165—166.
- [8] *Кремер Е.Н.* Художественный билингвизм и транслингвизм — русскоязычие (библиографический обзор) // Гуманитарные исследования. 2014. № 1 (49). С. 61—67.
- [9] *Лейдерман Н.Л.* Русскоязычная литература — перекресток культур // Взаимодействие национальных художественных культур: литература и лингвистика (проблемы изучения и обучения): материалы XIII научно-практ. конф. словесников. Екатеринбург, 23–24 октября 2007 г. Екатеринбург: ГОУ ВПО Урал. гос.пед.ун-т, НИЦ Словесник, 2007. С. 38—49.
- [10] *Мазин В.А.* Самоутверждение хантов и манси в диалоге литератур (о становлении субъекта межкультурной коммуникации) // Взаимодействие национальных художественных культур: литература и лингвистика (проблемы изучения и обучения): материалы XIII научно-практической конференции словесников. Екатеринбург, 23–24 октября 2007 г. Екатеринбург: ГОУ ВПО Урал. гос.пед.ун-т, НИЦ Словесник, 2007. С. 62—72.
- [11] *Нимбуев Намжил.* Стреложенные молнии. Стихи. Переводы. Проза. М.: Галерея «Ханхалаев», 2003. 308 с.
- [12] *Хан Н.К.* О своеобразии языковой картины мира корейских писателей Казахстана (на материале повести М. Пака «За порогом ночей») // Вестник КазГУ им. аль-Фараби. № 11 (45). 2001. С. 252—257.
- [13] *Хан Н.К.* Языковая картина мира корейских писателей Казахстана и проблема идентификации // Язык и идентичность: материалы докладов и сообщений междунар. Конф. «Ахановские чтения». Алматы, 2006. С. 290—301.
- [14] *Ханинова Р.* Эссе // Мегалог. 2008. № 1. С. 113, 231—233.
- [15] *Чипчиков Б.* Дворец мой в безлюдной степи // Мегалог. 2008. № 1. С. 87—96.

ETHNIC IDENTITY AND NATIONAL CONSCIOUSNESS IN THE SPACE OF THE TEXT OF BILINGUAL AUTHORS

E.N. Kremer

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198

Bilingualism (Russian-Other languages) reflected in the literary text is examined in the article in the aspect ratio of the linguistic identity (the Russian language as a tool of creativity) and ethnic identity of bilingual authors from the point of view of the bearer of Russian culture. The target of the article to understand how, in what way in the text the Russian-writing writers shows their ethnic identity.

Key words: literary text, the authors bilingual, ethnic identity, national identity, contact literature, “marginal personality”

REFERENCES

- [1] Aksel'rod E.M. *Izbrannoe* [Favorites]. SPb., «Zvezda» Publ., 2002. 358 p.
- [2] Aujezov M.M. *Ippokrena. Hozhdenie k kolodcu vremen* [Ippocrene. Walking to the well. Almaty:]. Almaty, «Zhibek zholy» Publ., 1997. 170 p.
- [3] Bahtikireeva U.M. *Russkojazychie kak aktual'naja mezhdisciplinarnaja problema* [Russian speaking as an actual interdisciplinary problem] // (*Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*) — [*Social and human Sciences in the far East*]. No. 1 (45) 2015. Pp. 94—99.
- [4] Bahtikireeva U.M. *Hudozhestvennyj bilingvizm i osobennosti russkogo hudozhestvennogo teksta pisatelja-bilingva*. Diss. ... d-ra filol. nauk. [Bilingualism and peculiarities of Russian literary text of the writer-bilingual] Doctor of philol. sci. diss.]. M.: 2005. 387 p.
- [4] Botasheva T.M. *Stihi* [Poems] // Megalog, No. 1. Pjatigorsk: PGLU Publ., 2008.
- [5] Vajsgerber J.L. *Jazyk i filosofija* [Language and philosophy] // (*Voprosy jazykoznanija*) [*Questions of linguistics*]. 1993.No. 3. P.73.
- [6] Valujceva I.I., Huhuni G.T. *Paradoks bilingvizma (K voprosu ob avtorskom dvujazychii)*. [Paradox of bilingualism (bilingualism copyright)] // (Filologicheskie nauki (Nauchnye doklady vysshej shkoly)) [Philological Sciences (Scientific essays of higher education)]. No. 3, 2014. Pp. 3—10.
- [7] Grudinina N.I. *Ogon' na l'du* [Fire on ice] // *Prosveshhenie na krajnem Severe. Vyp. 15*. [Education in the far North. Vol. 15]. Leningrad, 1967. P. 165—166.
- [8] Kremer E.N. *Hudozhestvennyj bilingvizm i translingvizm — russkojazychie (bibliograficheskij obzor)* [Artistic bilingualism and translingual — russkoyazychnye (bibliographic review)]. // *Gumanitarnye issledovanija. — [Humanitarian studies.]*. 2014. №1 (49). S. 61—67.
- [9] Lejderman N.L. *Russkojazychnaja literatura — perekrestok kul'tur // Vzaimodejstvie nacional'nyh hudozhestvennyh kul'tur: literatura i lingvistika (problemy izuchenija i obuchenija): materialy XIII nauchno-prakt. konf. slovesnikov. Ekaterinburg, 23-24 oktjabrja 2007 g.* [Russian literature — a crossroads of cultures // the Interaction of national art cultures: literature and linguistics (problems of study and learning): Proc. the XIII sci.-practic. conf. the philologists. Yekaterinburg, October 23-24, 2007]. Ekaterinburg: GOU VPO Ural. Gos.ped.un-t, NIC Slovesnik Publ., 2007. P. 38—49.
- [10] Mazin V.A. *Samoutverzhenie hantov i mansi v dialoge literatur (o stanovlenii sub#ekta mezhkul'turnoj kommunikacii) // Vzaimodejstvie nacional'nyh hudozhestvennyh kul'tur: literatura i lingvistika (problemy izuchenija i obuchenija): materialy XIII nauchno-prakticheskoy konferencii slovesnikov. Ekaterinburg, 23-24 oktjabrja 2007 g.* [The Assertion Khanty and Mansi in the dialogue literature (about the formation of the subject intercultural communication) // Interaction of national art cultures: literature and linguistics (problems of study and learning): Proc. the XIII sci.-practic.

- conf. the philologists. Yekaterinburg, October 23–24, 2007]. Ekaterinburg: GOU VPO Ural. Gos. ped.un-t, NIC Slovesnik Publ., 2007. Pp. 62–72.
- [11] Nimbuev Namzhil. *Strenozhennye molnii. Stihi. Perevody. Proza*. [Unloaded and hobbled zip. Poems. Translations. Prose.]. Moscow, Gallereja «Hanhalaev» Publ., 2003. 308 p., ill.
- [12] Han N.K. *O svoeobrazii jazykovej kartiny mira korejskih pisatelej Kazahstana (na materiale povesti M. Paka «Za porogom nochej»)*. [On the uniqueness of the Korean language picture of the world of writers of Kazakhstan (based on the novel by M. Pак “Beyond the threshold of night”)]. // (*Vestnik KazGU im. al'-Farabi*) — [*Bulletin of KazNU. al-Farabi*]. No. 11 (45). Almaty, 2001. Pp. 252–257.
- [13] Han N.K. *Jazykovaja kartina mira korejskih pisatelej Kazahstana i problema identifikacii* [Korean language picture of the world of writers of Kazakhstan and the problem of identifying] // Language and identity. Proc. Intern. Conf. “Akhanov reading” under the auspices of MAPRYAL. Almaty, 2006. Pp. 290–301.
- [14] Haninova R. Jesse [Essay] // *Megalog*, No.1. Pjatigorsk, PGLU Publ., 2008. Pp. 113, 231–233.
- [15] Chipchikov B. Dvorec moj v bezljudnoj stepi [My Palace in the desolate steppes] // *Megalog*, No. 1. Pjatigorsk: PGLU, 2008. Pp. 87–96.